

«Синергия науки и практики»: МГИМО и отечественная школа дипломатической ПОДГОТОВКИ

*Интервью с Анатолием Васильевичем Торкуновым,
ректором МГИМО МИД России*

*Анатолий Васильевич Торкунов – ректор МГИМО МИД России, академик,
член Президиума РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Коллегии МИД России*

*Беседу вел С.М. Маркедонов,
главный редактор журнала «Международная аналитика»*

С.М. Маркедонов. Эрнест Ренан в свое время говорил, что истоки – это самое достойное уважения и изучения. В октябре 2024 г. МГИМО отметил 80-летний юбилей. Уже стало своего рода конвенциональной мудростью называть наш вуз кузницей дипломатов и международныхников. И надо сказать, что МГИМО наследовал многие традиции: и зарубежные, и отечественные – где-то обгонял время... Чтобы понять уникальность МГИМО, стоит, наверное, сравнить наш институт с какими-то мировыми аналогами. В чем общее и особенное, с Вашей точки зрения?

А.В. Торкунов. МГИМО был одним из первых вузов в мире, где началась подготовка специалистов-международников – титульная подготовка, с дипломом международногоника. Потому что политологов начали готовить раньше. У нас политологов не готовили – эта специальность вообще появилась только тридцать лет назад, даже чуть меньше. МГИМО с 1944 г. стал готовить историков-международников, потом экономистов-международников, а потом уже собственно специалистов по международным отношениям.

Традиции подготовки таких специалистов существовали и в Российской империи. С первой половины XVIII в. шла подготовка в Петербурге, прежде всего специалистов по восточным языкам, поскольку страна поворачивалась в сторону Востока, осваивала Сибирь, осваивала Дальний Восток, развивала контакты с Китаем и со странами Юга. Нужны были специалисты со знанием языков, и такие курсы были открыты при внешнеполитическом ведомстве – Коллегии ино-

странных дел. Потом, после преобразования в 1802 г. Коллегии в Министерство иностранных дел, они работали при Министерстве. В Петербургском университете также была открыта программа по восточным языкам, где, конечно же, преподавались не только языки. Там была широкая университетская подготовка: история, география, экономика, юриспруденция.

Не могу не упомянуть предшественника МГИМО – Лазаревское училище восточных языков¹. Сначала оно называлось просто Лазаревским училищем. Там тоже на университетском уровне готовились специалисты с восточными языками. Училище возникло одновременно с Царскосельским лицеем, из стен которого вышли пять министров иностранных дел². Я специально запрашивал программы и Царскосельского лицея, и Лазаревского училища, они в существенной степени пересекались. По-видимому, лицей и училище, что называется, присматривали друг за другом. Тем более что их попечителями были высокие чиновники. Попечителем Лазаревского училища был Александр Христофорович Бенкендорф, известный моему поколению в большей степени как начальник Третьего отделения императорской канцелярии, один из главных цензоров Александра Сергеевича Пушкина.

Многие из применявшихся тогда программ использовались и в более позднее время, в частности в Институте восточных языков в Москве и во вновь созданном МГИМО. Подготовкой наших программ занимались маститые ученые из МГУ. Возглавлял эту работу Иван Дмитриевич Удальцов, который одно время был ректором МГУ и впоследствии стал первым директором МГИМО. Помимо юристов, экономистов, историков, филологов МГУ активное участие в создании и становлении нашего института принимал Народный комиссариат иностранных дел и его руководители. Когда мы просматриваем архивные материалы, в том числе личные фонды (в частности, внук Ивана Дмитриевича Удальцова, наш известный дипломат и посол Александр Иванович Удальцов показывал мне документы, которые он нашел в личном архиве деда), мы видим, что программы активно прорабатывались и руководством НКВД, включая В.М. Молотова. Он смотрел эти программы и давал добро на включение тех или иных предметов, дисциплин и направлений подготовки.

Это – удивительное сочетание, когда содержательно работа института, с одной стороны, готовилась маститыми учеными: Евгений Викторович Тарле готовил историческую часть этих программ, Сергей Борисович Крылов и Всеволод Николаевич Дурденевский – юридическую³. Принимал участие в этой работе и известный экономист академик Евгений Самуилович Варга. С другой стороны, в этот процесс были включены дипломаты, в том числе высший состав НКВД. Уже на первом этапе работы МГИМО преподавательскую работу здесь вели

- 1 Торкунов, А.В. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 9–22; Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО / под общ. ред. А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2021. 384 с.
- 2 Александр Михайлович Горчаков (1856–1882), Николай Карлович Гирс (1882–1895), Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1895–1896), Александр Петрович Извольский (1906–1910), Сергей Дмитриевич Сазонов (1910–1916). После переезда в 1843 г. в Петербург лицей стал именоваться Императорским Александровским.
- 3 Полвека спустя (1948–1998). Говорят первые выпускники МГИМО / ред. кол.: В.В. Витюк, В.Е. Качанов, Р.А. Сергеев, А.В. Торкунов. М.: Московские учебники и Картолитография, 1998. С. 122.

молодые дипломаты – такие как А.Ф. Добрынин¹. Он в это время только окончил Высшую дипломатическую школу, работал в кадровой службе Министерства иностранных дел и именно в МГИМО получил звание доцента, преподавая историю международных отношений и внешнюю политику США. Впоследствии он стал известным дипломатом, почти четверть века проработал на посту посла в Соединенных Штатах Америки.

Эта синергия науки и практики дала положительные плоды. Уже в конце 1950-х – начале 1960-х гг. кадры Министерства были укомплектованы главным образом выпускниками МГИМО, молодыми и средневозрастными – многие приходили в институт после фронта, в 25–26 лет. Практически до 1955 г. МГИМО принимал участников Великой Отечественной войны. Борис Леонидович Колоколов, заместитель министра иностранных дел, а до того возглавлявший протокольный отдел МИД СССР и являвшийся послом в Тунисе, пришел учиться в МГИМО в 26 лет, уже в звании капитана. Он блестяще учился и стал одним из ведущих советских дипломатов.

Таким образом, и традиции подготовки дипломатов в императорской России, и то, что накапливалось в межвоенный период, – все это было положено в фундамент нашего института, ныне университета.

С.М. Современная российская дипломатия наследует двум школам – русской дореволюционной и советской. Дискутируемым в научной литературе вопросом является преемственность и прерывистость нашего исторического пути, поскольку, с одной стороны, советские лидеры заявляли о себе как о строителях нового мира, говорили о радикальном разрыве с царизмом, с наследием имперскости, и даже в Декрете о мире², чей барельеф висит у нас на входе в МГИМО, говорилось о полном элиминировании тайной дипломатии и разных имперских практик. С другой стороны, в тяжелые годы, особенно в переломные периоды, звучали призывы вдохновляться опытом наших предков – Дмитрия Донского, Александра Невского...³ С Вашей точки зрения, что актуально сегодня из наследия российской и советской школ? Где их следует подвергнуть критическому переосмыслению и от чего, может быть, – отказаться?

А.Т. Хочу напомнить, что период, когда казалось, что советская дипломатия полностью порвет с наследием Российской империи, был недолгим. Очень скоро стало ясно, что перспективы мировой революции не очевидны, интересы же советского государства требуют пристального внимания и активных действий. Уже в конце 1920-х гг., не говоря уж о начале 1930-х, у советского руководства возникло понимание, что во главу угла должны быть поставлены национальные интересы. То, что Сталин сказал с трибуны мавзолея 7 ноября 1941 года, вспоминая Александра Невского, Суворова, Кутузова, – это был уже публичный манифест такого понимания⁴.

1 Добрынин, А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). 3-е изд. М.: Международные отношения, 2023. 712 с.

2 Декрет II Всероссийского съезда Советов о мире. 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Госполитиздат, 1957. С. 12–16.

3 Торкунов, А.В. О вечном и новом в актуальном контексте мировой политики (к 800-летию со дня рождения Александра Невского) // Полис. Политические исследования. 2021. №3. С. 8–16.

4 Сталин, И.В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // Сталин, И.В. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 84–86.

Однако хочу напомнить, что борьба вокруг наследия российской дипломатии до этого была серьезной, в том числе и кадровая борьба. Чичерин не раз обращался к руководству, к Сталину лично, указывая на то, что те, кто приходит на службу в НКВД, ни по своим личным качествам, ни по знаниям не могут выполнять функции, которые необходимо было выполнять, когда молодое советское государство налаживало и развивало отношения с Западом, устанавливало отношения со многими странами Востока, – эти люди просто не могли справиться с такими задачами¹. На это реагировали, не всегда, правда, должным образом. Как мне представляется, кадровая проблема усугубилась и в результате необоснованных репрессий во второй половине 1930-х годов. Вместе с тем, в 1934 г. был создан Институт по подготовке дипломатических и консульских работников, преобразованный в 1939 г. в Высшую дипломатическую школу. Там занимались переподготовкой и подготовкой дипломатических кадров из среды молодых и преданных коммунистическим идеалам людей, имеющих высшее образование – чаще всего не гуманитарное, а техническое.

При изучении истории нашей дипломатии – я был редактором второго тома «Истории Министерства иностранных дел»² – заметно, что многие навыки и опыт, которые имели дипломаты старой школы, были взяты в арсенал советской дипломатической службы в 1930-е годы. Не говорю уже о военном времени, когда перед дипломатами стояли задачи налаживания отношений с партнерами, сторонниками по антигитлеровской коалиции, нейтрализации противников, нахождения соответствующих решений и компромиссов с теми, кто не был ни противником, ни партнером. Делалось это исключительно умело. Уверен, что вековые традиции нашей дипломатической службы при этом оказались востребованы. Мы вспоминаем, что сумел сделать посол в Турции Сергей Александрович Виноградов, убедивший Сталина, что турки не втянутся в войну. А это, как известно, позволило использовать части Красной Армии, дислоцированные на границах, на наиболее востребованных направлениях. А ведь такое уже не раз бывало в истории нашей дипломатии. Например, посол в Османской империи Петр Андреевич Толстой во время русско-турецкой войны 1710–1713 гг. переманил значительную часть турецкой элиты на свою сторону, даже пребывая в заключении³. Виноградов, к счастью, не был в тюрьме, но тем не менее та работа, которую он сумел провести с турецкой элитой, сыграла важнейшую роль – не случайно ее так высоко оценил Сталин.

С.М. Я смотрел его биографию, когда готовил лекции для студентов. 36 лет, мальчишка, а получил и орден Ленина, и орден Трудового Красного Знамени – один из немногих советских дипломатов времен Великой Отечественной войны.

А.Т. Хочу напомнить, что и многие дипломаты самого высокого уровня, работавшие в других ведущих странах в этот период, были совсем молодыми людьми. Тот же Андрей Андреевич Громыко. Другое дело, что такие маститые люди, как М.М. Литвинов, И.М. Майский, пришли в дипломатию из революционного

1 Соколов, В.В. Неизвестный Г.В. Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД России // Новая и новейшая история. 1994. №2. С. 6–8.

2 Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: в 3 т. Т. 2. 1917–2002 гг. / отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Олма-Пресс, 2002. 624 с.

3 Павленко, Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1985. С. 146.

движения. Но появлялись и молодые специалисты. Они очень многое взяли у Майского, Литвинова, у Александра Антоновича Трояновского.

В биографии каждого так много интересных эпизодов, что можно снимать о них сериалы. Тот же Трояновский... Его сын, с которым мы были дружны, Олег Александрович, много лет был президентом Ассоциации содействия ООН, а я был ее председателем. Олег Александрович рассказывал мне, как его отец попал на дипломатическую службу. Он же был в немилости, поскольку какое-то время был меньшевиком. И совершенно случайно он встретил во время прогулки Сталина, а тот был с ним знаком по Вене и даже какое-то время жил у них в семье. Жил или посещал часто – не буду утверждать, надо просто поднять воспоминания на этот счет. По-моему, в книге Олега Александровича это тоже есть¹. Тогда было еще время, когда, видимо, не боялись террористических атак на руководство, хотя и охраняли, конечно, но Сталин прогуливался по Москве – это известный факт. И он случайно встретил Трояновского, который работал тогда в Госторге. Они разговаривали: что ты делаешь? как ты? чем занимаешься? После этого Сталин вернул его в политику. Трояновский стал полпредом в Японии, затем в Соединенных Штатах. Он вошел в историю как один из самых знаменитых дипломатов межвоенной поры. Его сын работал личным переводчиком многих советских руководителей, затем тоже служил послом в Японии, был полномочным представителем при ООН, послом в КНР. Он обладал выдающимися человеческими качествами.

С.М. Вопрос о качествах дипломата. Известный теоретик международных отношений и социальный антрополог Ивер Нойманн выделял три базовых качества: герой, посредник, бюрократ². Наверное, в каждом регионе, в каждой стране эти качества по-разному востребованы, нельзя, наверное, их ранжировать. Но все-таки, если попытаться их как-то ранжировать, попытаться определить важность для нашей отечественной дипломатии сегодня, какое из трех более востребовано и важно, с Вашей точки зрения?

А.Т. Все, мне кажется, зависит от ситуации, от обстоятельств, потому что даже в одной и той же стране на разных этапах человек может себя проявить и героем, и посредником, и бюрократом. Например, Андрей Геннадьевич Карлов, наш посол в Турции³. Конечно, он вел себя смело, героически. Там была прямая угроза. Известно, что это не сказывалось на дипломатической активности. Вместе с тем он был блестящим посредником. И не только в Турции, а до этого – в КНДР, где у него были самые дружеские отношения с лидером страны Ким Чен Иром. Он один из немногих, кто бывал у Ким Чен Ира в гостях, и они встречались нередко для бесед. Ну и, конечно, он был бюрократом в том смысле, что блестяще умел изложить свои соображения. Это очень серьезный бюрократический навык – коротко в телеграфной переписке изложить существо вопроса. Главное – чтобы этот вопрос был ясен всем: от министра иностранных дел, который является специалистом, все понимает и знает, до члена руководства, в советское время –

1 Трояновский, О.А. Через годы и расстояния. История одной семьи. М.: Вагриус, 1997.

2 Neumann, Iver. "To Be a Diplomat," *International Studies Perspectives* 6, no. 1 (2005): 72. <https://doi.org/10.1111/j.1528-3577.2005.00194.x>.

3 Карлов Андрей Геннадьевич (1954–2016) – российский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол (2011), Герой Российской Федерации (2016, награжден посмертно). Погиб в результате террористической атаки в Анкаре во время открытия художественной выставки.

члена политбюро, который далеко не всегда знал детали, а иногда вообще их не знал. Во времена оны – помню это по своей работе в Вашингтоне – очень многие проекты телеграмм, которые мы готовили для Анатолия Федоровича Добрынина, оказывались на столе у руководства. Знаю это потому, что из Москвы потом поступали запросы развить ту или иную тему – по поручению А.С. Черняева, помощника М.С. Горбачева. Ясно, что это шло от самого М.С. Горбачева или от кого-то еще из руководителей.

Так изложить может только бюрократ, это одно из важнейших качеств бюрократа – уметь излагать мысли, доводить их до начальства. Так что здесь все зависит от времени и от ситуации.

Или Виталий Иванович Чуркин... Конечно, он герой. Человек, который сражался на трибуне Организации Объединенных Наций, не считаясь со своими силами и здоровьем. Тем более, как Вы понимаете, разница во времени между Москвой и Нью-Йорком серьезная, поэтому приходилось работать «на два графика». Это, конечно, и подкосило его здоровье, а также напряжение, которое все время было в его работе... Конечно, герой.

Ну и посредник, потому что, при всем героизме, у него были прекрасные отношения с представителями наших противников, с постпредом США в ООН. Товарищеские отношения были, дружественные, искренние, что позволяло ему более эффективно реализовывать те задачи, которые перед ним ставило российское руководство¹.

Конечно, и знания, осведомленность, кругозор тоже исключительно важны для дипломата. Так что все три качества должны присутствовать.

С.М. Согласен на сто процентов с Вашей оценкой Виталия Ивановича Чуркина. Мне довелось в 2008 г., сразу после Пятидневной войны, пообщаться на конференции с Ираклием Аласанией, который был постпредом Грузии при ООН. Несмотря на то что на трибуне они были критиками и оппонентами, Аласания признавал, что Чуркин глубокий профессионал, заслуживающий уважения.

Наш следующий вопрос отчасти продолжает разговор о качествах дипломата, потому что сегодня в научной литературе, не говоря уже о публицистике, много обсуждают кризис традиционной дипломатии. Говорят о твиттер-дипломатии... Или фактор общественного интереса. Только станет известно о каких-то переговорах, а уже тонны информации появляются. Что там в Эр-Рияде, какая повестка, идут утечки и так далее. Конечно, важный момент – это общественное мнение. И собирательная «княгиня Марья Алексеевна» для многих важнее, чем, может быть, неприятные, но вынужденные шаги, которые надо делать. И люди больше думают о том, как красиво выглядеть, а не как решать тот или иной вопрос. Естественно, происходит расширение понятия «дипломат», поскольку у нас сейчас есть и спортивная дипломатия, и цифровая, и даже дипломатия селебритис. К этому процессу каково Ваше отношение? Пройдет, как с белых яблонь дым? Или это серьезно, и как-то надо это тоже изучать?

А.Т. «Отраслевая» дипломатия так или иначе существовала всегда. Сейчас говорят, что были времена, когда политика определялась из нескольких

дворцовых кабинетов, хозяева этих кабинетов были друг другу родственниками, но при этом часто враждовали и даже воевали...

С.М. Да, «кузен Вилли» и «кузен Ники»...

А.Т. Но это не совсем так, потому что помимо решений, принимавшихся в этих кабинетах, работала целая армия дипломатов, которая решения готовила. Другое дело, соглашались правители с их предложениями или нет. Если говорить о верховной власти в Российской империи, то, несмотря на династические связи, она почти всегда преследовала исключительно российские национальные интересы. А дипломаты ей в этом способствовали. Другое дело, что они, как и правители, иногда ошибались. Вспомним русско-японскую войну... Были ошибки и перед Первой мировой. И, как мне кажется, рекомендации дипломатов носили более утонченный и обоснованный характер, чем некоторые из принимавшихся впоследствии решений. Но это уже другой вопрос.

Всегда имела место и женская дипломатия. Мы знаем, какую огромную роль играла княгиня Дарья Христофоровна Ливен в российской дипломатии, а также в дипломатических кругах Франции и Великобритании...¹

Огромную роль всегда играло общественное мнение. Еще во времена королевы Виктории британский премьер Генри Пальмерстон говорил, что общественное мнение сильнее пушек².

Так что многое из того, что было в прошлом, так или иначе присутствует и в нашей эпохе. Конечно, мы видим высокую активность нашего министра иностранных дел, его заместителей.

Однако есть существенные проблемы, которые сегодня мешают работе российских дипломатов. Прежде всего – поведение так называемых партнеров, которые фактически заперли наших дипломатов в их посольствах. Не позволяют ни выступать публично, ни встречаться. (Послы, когда приезжают в отпуск, рассказывают об этом.) Многие из них прекрасные ораторы. Университеты их готовы приглашать, но власти страны пребывания не дают этого делать: выступать, встречаться, в том числе с представителями научных кругов. Ограничения в этом смысле существуют сегодня в европейских странах, а также в Канаде и США. Я не знаю, может быть, ситуация в США будет меняться, но пока наши дипломаты очень ограничены в своей публичной деятельности. А дипломат, конечно, должен встречаться с гражданами страны пребывания, разъяснять нашу позицию, прояснять позицию собеседников, то есть быть посредником – о чем Вы и говорили. В целом, эта дипломатическая война, сопровождающаяся бесконечными высылками российских представителей и нашими симметричными ответами, сильно мешает дипломатической активности.

Вместе с тем мы видим, что на южных направлениях, на африканском, на азиатском, сегодня очень высокая активность. Недавно министр выступал в Государственной Думе и сообщил, что в течение нескольких лет планируется открытие семи новых посольств в африканских странах. Открываются новые консульства, в том числе в странах СНГ, а также в странах Азиатско-Тихоокеан-

1 *Таньшина, Н.П.* Княгиня Ливен. Нетитулованная королева европейской дипломатии. СПб.: Евразия, 2021. 384 с.

2 *Трухановский, В.Г.* Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. М.: Наука, 1993. С. 239.

ского региона. Так что дипломатическая активность перенаправлена в региональном смысле с таких регионов, как Европа или Северная Америка, в сторону стран Глобального большинства: Африки, Азии, Латинской Америки. Те, кто следит, как реализуется сегодня политика визитов, обращают внимание, что их по-прежнему много: их наносят заместители министров, руководители ведущих департаментов, они участвуют и в экономических переговорах.

Уверен, что уже в ближайшее время произойдет существенная активизация публичной дипломатии. Под публичной дипломатией я в данном случае не имею в виду деятельность на «втором треке», а говорю именно о профессиональной дипломатии, она станет больше заметна.

С.М. Абсолютно согласен, происходит изменение внешнеполитических приоритетов и подходов России. Однако проблема нормализации отношений с Западом так или иначе остается. И вот здесь немножко провокативный вопрос – не в политическом, а в интеллектуальном смысле. Что нужно сделать, чтобы добиться какого-то компромисса, какого-то продвижения на западном направлении, не нанося при этом ущерба своим национальным интересам? Очевидно, что нужно что-то делать: ситуация ненормальная. В любом случае западный трек остается в качестве важного вопроса на повестке. Что делать, чтобы не повторить ошибок прошлого, но добиться определенных уступок?

А.Т. Если бы кто-то знал ответ на этот вопрос, его следовало бы номинировать на Нобелевскую премию. Как принято говорить в Гарварде: *"This is a very good question"*. Поэтому я затрудняюсь ответить. Единственное, что я вижу и знаю, это то, что по самым разным линиям идет проработка соответствующих вопросов. Но нам очень важно понимать – это все время повторяет наш министр Сергей Викторович Лавров, – что мы, извлекая уроки из прошлого, должны действовать очень осмотрительно, осторожно и только так, чтобы быть уверенными: наши интересы не будут ущемлены. Чтобы мы не оказались опять обманутыми. Чтобы не оказаться в ситуации, когда мы поставили себя и свою страну в невыгодное положение. Движение, несомненно, будет, мы ощущаем, что оно так или иначе происходит. Конечно, дипломатия в этом будет играть очень большую роль. Она не сразу и не всегда видна, но то, что она здесь присутствует, это несомненно. Время покажет.

Сейчас один из центральных вопросов – по-видимому, даже центральный вопрос – это разрешение украинского конфликта, того кризиса, который был создан. Он вызревал долго и искусственно создавался теми, кого мы считали своими партнерами и которые оказались ненадежными партнерами. Я имею в виду европейские страны, во всяком случае, некоторые из них – государства НАТО.

Конечно, в этот раз мы извлечем серьезные уроки и будем действовать осмотрительно, но всегда находчиво, как наша дипломатия и действовала.

С.М. Мы поговорили с Вами о прошлом, о традициях, о настоящем и, наверное, теперь самое время немножко заглянуть в будущее.

В Государственной Думе обсуждаются поправки в закон «Об образовании», начинаются общественные слушания. Речь идет об определенных трансформациях. МГИМО с первого дня является участником программы «Приоритет 2030» – программы для российских высших учебных заведений, которая, скорее всего, будет трансформирована с акцентом на научно-технологические показатели. Какой Вы видите роль МГИМО в трансформации программы «Приоритет 2030»,

в научно-технологическом развитии вообще, в обеспечении лидерских функций России на этом треке?

А.Т. Мы подготовили хорошую базу для того, чтобы дальше разворачиваться в сторону участия в достижении Россией технологического лидерства – задачи, которая поставлена президентом в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Я имею в виду наше активное соучастие в деятельности секторов реальной экономики, сотрудничество с углеводородными и сырьевыми компаниями, наши программы по сельскому хозяйству. Конечно, они все будут ориентированы на изучение, исследование. Инженеров мы, конечно, можем готовить, но, думаю, это лучше сделают те учебные заведения, которые занимаются этим десятилетиями. Однако подготовить тех, кто может оценить современные тренды технологического развития, передовые технологии, которые существуют за рубежом, место и возможности наших технологий, как в стране, так и на международных рынках, – это мы в состоянии сделать. Мы также способны заниматься вопросами искусственного интеллекта, над этим уже активно работаем. Это и есть борьба за технологическое лидерство.

Параллельно идет борьба за ум человека. В использовании искусственного интеллекта должно утвердиться понимание того, что без гуманитарных знаний, без ощущения причастности к истории и культуре никакое технологическое лидерство невозможно.

В некоторых компаниях за рубежом – в частности, я хорошо знаю южнокорейские реалии, поскольку занимаюсь Кореей много лет, – в ведущих технологических компаниях для высших менеджеров предполагается обязательное прохождение программ, связанных с культурой и искусством, потому что наши креативные, инновационные способности развиваются в контексте творчества и понимания этого творчества. Человек должен развивать их через приобщение к живописи, музыке, театру.

Наступает эпоха – может быть, это прозвучит непривычно пафосно – борьбы биологического разума с кремниевым. Так называемая эпоха искусственного интеллекта.

С.М. Простите за каламбур. Наверное, искусственный интеллект без естественного не работает...

А.Т. Здесь есть вопросы. С использованием искусственного интеллекта уже сегодня могут создаваться целые надгосударственные, трансграничные сообщества. И человек разумный начинает разговаривать не только с таким же биологическим существом, но и с искусственным интеллектом.

Вы знаете примеры, когда созданная искусственным интеллектом бабушка разговаривает с британскими пенсионерами и обсуждает их житейские проблемы. Но вот у меня пример перед глазами, кладутся два телефона, где и там, и там присутствует искусственный интеллект, и они начинают беседу между собой. Меня в свое время поразил аналогичный пример, о котором рассказывала Татьяна Владимировна Черниговская, наш известный специалист в области нейронауки. На форуме в Британии на ее глазах две программы искусственного интеллекта начали вести разговор между собой. При этом специалисты, которые были рядом, не могли понять, о чем они говорят: у них уже появляется свой язык общения.

Мы должны понимать, что искусственный интеллект, в том числе в дипломатии, это наш ресурс на будущее, но вместе с тем это очень опасная вещь. По разным линиям, в том числе в ООН, ведется работа, связанная с регулированием искусственного интеллекта. Директор Центра искусственного интеллекта МГИМО Анна Владимировна Абрамова является членом Консультативного органа высокого уровня при генеральном секретаре ООН по искусственному интеллекту.

Человечество задумывается обо всем этом уже на нынешнем этапе, потому что ужастики, которые мы видели в американских фильмах, о том, как действует искусственный интеллект, в некоторых случаях не подчиняясь человеку, могут вдруг превратиться в реальность. Мы должны над этим работать: готовить и гуманитариев, и специалистов в области когнитивных наук. У нас прекрасная нейролаборатория, которая великолепно оборудована. Сегодня уже и по нейроэкономике идут занятия, и по нейромаркетингу, совместно с Факультетом психологии МГУ реализуется магистерская программа «Когнитивные исследования и нейротехнологии в международных отношениях».

Роль таких исследований будет только нарастать, в них будут нуждаться и те, кто сегодня своими мозгами и своими руками занимается новыми технологиями. Эти процессы в истории человечества всегда шли параллельно. Выдающиеся ученые в области физики, химии, механики или сами были творцами-гуманитариями, или хорошо понимали искусство, живопись, все то, что называется *humanities* – гуманитарной стороной жизни. Так что, думаю, мы не пропадем в этой ситуации, хотя мы социально-экономический и гуманитарный вуз.

Более того, у нас уже есть реалистичная программа действий. Реалистичная потому, что многое уже удалось сделать, в том числе в части, касающейся цифровизации. Эту работу мы будем наращивать. Так что МГИМО был, есть и будет нужен – в этом я совершенно уверен.

С.М. Спасибо большое. На этой оптимистической ноте мы завершаем. Нашим читателям и зрителям могу сказать, что мы еще не раз обратимся к рассмотрению различных форм дипломатии.

Цитирование

Торкунов, А.В. «Синергия науки и практики»: МГИМО и отечественная школа дипломатической подготовки // Международная аналитика. 2024. Том 15 (4). С. 11–20.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-11-20>

For citation

Torkunov, Anatoly V. "Synergy of Science and Practice": MGIMO University and the National Tradition of Diplomatic Training."
Journal of International Analytics 15, no. 4 (2024): 11–20.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-11-20>